„Объективная“ наука госплановских вредителей¹

Цена научной совести

Вокруг планирования, как и вокруг всего нашего хозяйственного строительства, идет ожесточенная классовая борьба. Ошибочно и глубоко оппортунистично представление о планировании, как о каком-то безмятежном рисовании схем, диаграмм, предначертании планов, которые осуществляются в «мирном» бесклассовом обществе. Кто так представляет дело планирования, тот либо сам ничего не понимает, либо сознательно старается отвлечь внимание партии и рабочего класса, усыпить их бдительность на всем фронте социалистического строительства, укрепляя тем самым позиции наших врагов.

Это совершенно бесспорное положение может оспариваться только скрытыми и открытыми оппортунистами внутри партии и родственными им по духу буржуазными экономистами, субъективно или объективно творящими в советской стране дело мировой и «отечественной» буржуазии. Но теперь, после раскрытия ряда вредительских шаек, особенно после обнаружения вредительства в планировании, даже самые безнадежные люди должны понять, что планирование сделалось ареной классовой борьбы. В своих классовых интересах вредители в порядке «очковтирательства» толковали и толкуют о том, что никакой классовой борьбы и никакого вредительства будто и не существует. В своих же классовых интересах они пытались захватить (а на отдельных участках даже захватили было) ряд научно-технических и практических позиций, тщетно пытаясь протянуть кое-где руки и к политической власти. Огромную роль при этом играла их спекуляция «наукой».

Года три тому назад на одном чрезвычайно бурном заседании малого президиума Госплана, где стоял вопрос об организации работ по контрольным цифрам и где особенно был заострен вопрос об организации работ по методологии планирования, вредитель Громан заявил, что если не будут приняты его предложения об организационной работе, то его «научная совесть» (это его собственные слова) не позволит ему отвечать за достаточно правильную работу. Характерно при этом, что, ссылаясь неизменно на свою «научную совесть» и по

¹ Доклад, прочитанный в Комакадемии 4 ноября 1930 г. Часть доклада напечатана в „Большевике“ № 19-20. Доклад сделан до процесса над так называемой „Промпартией“, и поэтому в нем не учтен и не использован материал о процессе.

ряду других вопросов, он всегда подчеркивал, что она, мол, ведет его всегда к определенным, «совершенно объективным» и абсолютно непреложным теоретическим и организационным выводам, против которых могут выступать только безнадежные профаны.

Окруженный в Госплане и в ЦСУ камарильей своих статистиков, занимавших самые различные положения по вредительской и по советской лестнице, Громан пытался производить на окружающих такое впечатление, будто из арифмометров и линеек, которые находятся у него в руках и в руках его друзей, всегда рождаются та истина и та руководящая экономико-политическая идея, которые необходимы пролетариату и советской власти на данный отрезок времени при данном состоянии конъюнктуры. Из тех же арифмометров и статистических таблиц с железной необходимостью должны вытекать, по его мнению, и те директивы, те целевые установки, которые должны быть приняты в народнохозяйственном плане.

Словом, нет бога кроме арифмометра, и Громан — пророк его!

Спекуляция «объективной наукой» была характерна не только для Громана: в нем этот вид вредительской деятельности получил только наиболее концентрированное выражение. Такого рода «деятельностью» занимались все или почти все вредители. Они делали вид, будто их совершенно не интересуют политические вопросы; от них можно было часто услышать, что они якобы являются глашатаями «сверхклассовой» истины, обладателями которой они выступают в силу своих специальных, коммунистам недоступных знаний.

Вредители установили грандиозную торговлю «оптом и в розницу» своей так называемой «наукой». Часть вредителей, не ограничиваясь высокими окладами в советских учреждениях, получала за свою «науку», вернее за умелое пользование ею, вознаграждение от белоэмигрантов и от заграничных капиталистов и империалистов (см. опубликованные показания вредителей рабочего снабжения).

Под видом методологии вредители рисовали дело планирования в «аполитичном» свете, выдвигая ту мысль, что, мол, планирование — это дело узко специальное и что безразлично, кто этим занимается — коммунист или беспартийный. Не надо особенно доказывать, что были такие коммунисты, которые все эти заявления и уверения буржуазных специалистов принимали за чистую монету и иногда дословно повторяли то, что они говорили.

Но здесь необходимо с самого начала подчеркнуть, что нельзя себе представлять дело таким образом, будто вредители не получали в плановой работе никакого отпора, никакого противодействия. Весь плановый фронт за последние годы представлял из себя поприще, на котором происходила отчаянная борьба между коммунистами и скрытыми вредителями. В дальнейшем постараемся показать вредительские идеи в ряде выступлений буржуазных экономистов. Но надо особенно

подчеркнуть, что эти вредительские идеи вращались в сфере классовой борьбы. Было конечно величайшим заблуждением думать, что вредители действовали в таком совершенно свободном от классовой борьбы пространстве. Так как они выражали интересы буржуазии, то госплановские заседания не редко превращались в арену политико-экономических поединков. Схватки бывали острые. Словом была диалектика борьбы и логика борьбы с постепенным нарастанием роли коммунистов-экономистов, которые на первой стадии были все-таки очень слабы, с постепенным оттеснением от плановой работы буржуазных специалистов, подчеркиваю — буржуазных специалистов-экономистов, но не инженеров и техников. На этом фронте мы были неизмеримо слабее.

Из госплановских вредителей вызывают особый интерес, если их можно так назвать, вредители-синтетика, т. е. те, которые работали над наиболее общими синтетическими, политико-экономическими вопросами: над конъюнктурой, контрольными цифрами, пятилетним и генеральным планами. Мы имеем в виду, главным образом, громановско-базаровскую группу.

Вредители-синтетики, работавшие над контрольными цифрами, генеральным планом и отчасти над пятилеткой, по существу давали философию двух вредительских групп — промышленной и сельскохозяйственной, философию «промышленной партии» и кондратьевцев. Их «объективная» наука была органически связана с конкретной вредительской деятельностью Пальчинского, Рамзина, Ларичева, Кондратьева, Дояренко и т. д. Подобно тому, как Госплан призван синтезировать и обобщать на научной основе работу ведомств, госплановские вредители пытались как бы дать научное обоснование той подрывной работе, которую проводили вредители, работавшие как в Госплане, так и в ряде наших учреждений, в отдельных отраслях народного хозяйства. Если Рамзин и Пальчинский, Калинин и Хренников старались планировать важнейшие отрасли нашей промышленности так, чтобы вести к задержке их развитие, чтобы создавать диспропорции, разрывы и провалы в промышленности, готовя страну к интервенции, то группы Громана и Базарова старались дать такое объяснение народнохозяйственных процессов и подсказывать такую общую экономическую политику, которая, задерживая развитие народного хозяйства на чрезвычайно низком уровне, должна была создавать разрывы и диспропорции в масштабе всего народного хозяйства, в масштабе, как любил выражаться Громан, единого хозяйственного целого и в конечном счете поставить пролетарскую диктатуру перед всеобщей катастрофой. Они это делали под видом борьбы с диспропорциями, поднимая шум по поводу малейших затруднений, выступая в роли якобы борцов с затруднениями и диспропорциями.

Крупную роль играли вредители-промышленники, которые организовали так называемую «промышленную партию», работавшие в интересах военной интервенции против СССР. Они занимались как

оперативной, так и плановой работой в отдельных отраслях промышленности и в промышленности в целом. В плановой работе они сплошь и рядом прибегали к ложной экспертизе, прикрываясь «научной совестью», которая на деле оказалась совестью куртизанок мирового капитала. Для них были возможны все средства — буржуазная демократия на словах и фашистский монархический переворот на деле.

Что же касается громанской школы, то она питалась идеологическими соками промышленных и сельскохозяйственных вредителей. А все вместе выражали политику и экономические интересы кулака и нэпманов внутри страны, белых эмигрантов и империалистов за пределами СССР.

В период наибольшего расцвета своей вредительской деятельности Громан и Базаров были по существу своей идеологии на поводу у обеих групп, а больше всего у контрреволюционной организации, так называемой «промпартии».

Кондратьевская группа ориентировалась непосредственно на крепнущего кулака в деревне и прокладывала пути к власти капиталистов и помещиков. Те разногласия, которые были между громановской и кондратьевской группами накануне их ликвидации, являются столь незначительными и столь быстро изживались, что они существенного значения не имеют.

Они мечтали о свержении советской власти, о ликвидации «режима диктатуры пролетариата» и о восстановлении буржуазно-демократической республики. Сходились в основном и на том, что помогали «промпартии» готовить интервенцию. Обе группировки особенно тесно сближались друг с другом по вопросам экономической политики.

Обе группировки — громановская и кондратьевская — контактировали свои политические действия со своей теоретической и практической работой. Они пытались проводить политику кулаков в советских органах через правых коммунистов, стараясь убедить по ряду важнейших вопросов коммунистов в необходимости повернуть экономическую политику страны на путь капитализма или на путь, подготовляющий капиталистическое развитие. Они «доказывали» неизбежность желательной им политики. Этой цели должны были служить так называемые бесстрастные факты объективной действительности, неутомимые цифры громанско-кондратьевской конъюнктуры.

Конъюнктура на службе у политики

Больше всего вредители-синтетики закрепились в области конъюнктурных наблюдений.

Конъюнктура! Это не обычная советская работа, это своего рода греческая пифия, которая каждый месяц, каждый квартал «слепо» изрекает свои слова в отдельных учреждениях, в отдельных ведомствах, по отдельным отраслям народного хозяйства, а потом восходит в Госплан и в Совнарком и устами Громана рисует якобы научно-

объективно и беспристрастно действительность. Так они «делали» конъюнктуру в течение нескольких лет.

Так в одном из своих выступлений в 1924 г. Громан без всяких обиняков заявлял, что он при помощи конъюнктуры пытается подставить определенное решение советскому правительству.

«Наша задача здесь, в Конъюнктурном совете, — говорил он на одном из заседаний последнего, — заключается не в том, чтобы наметать всю систему мероприятий, все методы нашего планирования и регулирования. Мы должны объяснять хозяйственные процессы, но в числе факторов этого объяснения вынуждены выдвигать как факторы нашу экономическую политику, наши методы планирования и регулирования».

Громан скрывается под удобной для него ширмой. Понимая совершенно правильно нашу экономическую политику как фактор, воздействующий на народное хозяйство, он истолковывает ее неправильно, обстреливает ее с позиции буржуазного понимания нашего народнохозяйственного развития. Громан, как видим, перебрасывает мост от конъюнктуры к экономической политике и искусно переходит от якобы «объективных» конъюнктурных наблюдений к критике политики партии и советской власти.

Но если у Громана нехватает смелости говорить о политических выводах, то Кондратьев делает легкую, едва заметную попытку перебросить мост между экономикой и политикой. При обсуждении одного доклада Громана, в котором он фактически выступал против всей нашей экономической политики и пытался на ряде диаграмм показать, что мы идем чуть ли не к хозяйственной катастрофе, Кондратьев заявил, что он с Громаном вполне согласен, и бросил при этом одну фразу, которая должна была пройти незаметно для людей непосвященных, но которую должны были понять их друзья — вредители. Он заявил, что согласен со всеми положениями Громана, «все это, говорит он, отразилось на ваших диаграммах. Конечно возможно мыслить это со всеми вытекающими отсюда последствиями». Ясно, что речь идет о последствиях политических.

На словах и без слов, в конъюнктурных обобщениях и без них вредители говорили советской власти: «Вот затруднения, вот растущие узкие места, вот безвыходное положение, которое становится все более угрожающим, все ухудшающимся. Выход один — спуститься на тормозах и без тормозов, развязать экономическую стихию, ослабить экономические рычаги пролетарской диктатуры». Они говорили об ослаблении экономических рычагов пролетарской диктатуры, понимая, что за ними неизбежно должны последовать и рычаги политические.

Совершенно бесспорно, что по линии конъюнктурной работы громановская школа имела в той или иной форме своих ставленников, своих доверенных и проверенных лиц во многих местах. Нужды нет, если не во все периоды вредительской деятельности они имели оформ-

ленные нелегальные организации. Достаточно было иметь проверенных по старым меньшевистским, эсеровским и кадетским связям людей в советском аппарате для того, чтобы они творили конъюнктурные обзоры по образу и подобию своему, в духе их собственных социально-политических установок и устремлений.

Поступавшие в Госплан конъюнктурные материалы, особенно по сельскому хозяйству и по финансам, были уже до того в достаточной степени пронизаны громановско-кондратьевским духом и ждали только своего окончательного оформления в Конъюнктурном совете, возглавляемом Громаном.

Так работал вредитель Громан, который с первого дня Октябрьской революции был и оставался непримиримым врагом советской власти. Слывший крупнейшим знатоком конъюнктуры и опиравшийся только на строго «научные» данные, проф. Громан позволял себе иногда довольно грубые фальсификации. Так например, применяя неверный метод счета, он на одном заседании президиума Госплана сообщил, что долгосрочное кредитование промышленности выросло за один только квартал на 87%. Умысел Громана ясен: он хотел показать, что мы взяли непосильные темпы индустриализации. Однако выступивший на этом же заседании т. Струмилин показал, что долгосрочный кредит для промышленности вырос вовсе не на 87%, а только на 27%.

Само собой разумеется, что никакой марксистской методологии громановцы в конъюнктурных работах не признавали. Англо-американская школа властвовала безраздельно над умами «советских» конъюнктурщиков.

Как Громан строил конъюнктуру? В качестве примера укажем на то, как он построил своей доклад «О декабрьской (1927 г.) и квартальной (I квартал 1927/28 г.) конъюнктуре» на заседании Конъюнктурного совета 27 января 1928 г.

В этом докладе нет ни слова о промышленности, об энергетике, об индустриализации, о развитии социалистических форм в деревне, о капитальном строительстве, если не считать указания на то, что главным бедствием для народного хозяйства является, мол, то, что «капитальные работы... бурно переливаются сверх программы» и что «вливались миллиарды на строительство». Весь же доклад построен под углом зрения пресловутого рыночного равновесия и почти целиком базируется на огульном обобщении наиболее отрицательных явлений. При этом одна часть народного хозяйства, в е д у щ а я, выбрасывается за борт (или о ней говорится кое-что только отрицательное, что, мол, слишком много денег тратится), и берется только проблема равновесия между городом и деревней, между спросом и предложением, причем равновесие — в специфически громановском понимании.

Совершенно недвусмысленно Громан выступает в этом докладе также и против проводимого партией режима экономии и за интересы кулака — «крепкого мужика». «Если, — говорит он, — будут приме-

няться репрессивные меры (мы тогда начали вводить «чрезвычайные меры». Р. В.) вроде досрочного изыскания налогов и ряда других очень тяжелых процессов, то это заставит крепкого крестьянина пойти на такое хозяйство, от которого уже не будут этого требовать». Конкретно эта мысль означала, что крепкий крестьянин, кулак, начнет снижать свое производство, начнет сам разрушать свои производительные силы для того, чтобы он не фигурировал в качестве кулака, для того, чтобы от него ничего не требовали. Громан и Кондратьев вообще как раз в этот период усиленно запугивали нас тем, что будет сокращение посевов и в кулацких и в середняцких хозяйствах, что та политика, которую ведет партия, совершенно подрывает производительные силы деревни. Они пытались запугивать партию тем, что кулацкие хозяйства будут на основе нашей политики ограничения кулачества сокращать свое производство.

Что касается партии, то она не только пошла на политику ограничения кулачества, но перешла к ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации, отмечая то, что предлагали Громан и Кондратьев, а вслед за ними правые оппортунисты внутри партии.

Партия вводила в тот период страну в полосу развернутой социалистической реконструкции. Экономическая жизнь страны характеризовалась огромными успехами индустриализации и стояла у преддверия сплошной коллективизации. Перед лицом этих процессов кулак и городская буржуазия начали оказывать политике партии отчаянное сопротивление. Кулак объявил знаменитую «хлебную забастовку», а партия ответила ему «чрезвычайными мерами». Партия мобилизовала бедняцкие и середняцкие массы для широкого колхозного строительства. Партия развернула среди рабочего класса широкую самокритику как метод противодействия мелкобуржуазным кулацким влияниям на советский и профсоюзный аппарат. А громановцы и кондратьевцы, прячась за бюрократической скорлупой отдельных звеньев нашего аппарата, взяли на себя функции непосредственных выразителей кулацких интересов и старались политически оформить кулацкие воззрения.

Слушая громановские обзоры конъюнктуры, слушая его оруженосца, крайне недалекого, но весьма покорного и услужливого проф. Первушина, слушая конъюнктурные доклады Кондратьева, Кафенгауза, выступления Альберта Вайнштейна, Юровского и других из этой компании, у многих должна была возникнуть мысль: «и как это еще советская власть держится». Впрочем спасение заключалось в том, что действительность расходилась — и чем дальше, тем очевиднее и резче — с дутой, фальшивой, шарлатанской конъюнктурой, которую сочиняло громанское отродье. И недаром один коммунист после такого, создающего чрезвычайно тяжелое впечатление доклада Громова напомнил то, что сказал Лев Толстой по поводу мистических произведений Андреява: «он пугает меня, а мне не страшно».

У Громана же всегда хватало наглости выставить себя в качестве страдальца за интересы советской экономики и советской власти. В этом отношении любопытен следующий факт. В 1928 г. он выступал с крайне реакционной, буквально контрреволюционной речью по поводу конъюнктуры. Он обрисовал состояние нашей конъюнктуры, ее перспективы в исключительно мрачных красках. Когда ему после этого было указано на совершенно недопустимую несурязицу его доклада и на то, что его выводы никак не вяжутся с действительностью, он ответил примерно следующее: «Я, как обозреватель конъюнктуры, обязан указывать отрицательные явления и сигнализировать опасности. Вот и в «Бронепозде» имеется китаец, который в тот момент, когда приближается неприятельский броневик, ложится на рельсы для того, чтобы спасти партизанские отряды. В вопросах советской конъюнктуры роль китайца выпадает на меня».

Монополизировав одно время работу по конъюнктуре, овладев статистическими работами как в Центральном статистическом управлении, так и в Госплане СССР, Громан использовывал этот аппарат для того, чтобы рисовать советскую действительность в совершенно превратном свете, для того, чтобы представлять в темных красках все, что у нас есть, и этим показать безуспешность социалистического строительства, провал коммунистических идей, близость краха советской власти. Этим самым он хотел толкать нас на уступки классовым врагам, пытаясь подсказывать необходимость открыть клапаны капиталистическому развитию.

Через конъюнктурные наблюдения, через якобы сами собою напрашивающиеся выводы громановцы и кондратьевцы стучались в двери партии со своими предложениями, со своими буржуазными идеями. Но партия даже тогда, когда она еще не считала их вредителями, всегда и неизменно отбрасывала прочь их буржуазные идеи. Они могли влиять на отдельных неустойчивых коммунистов, на отдельные части советского аппарата, но никакого успеха не имели их попытки изменить политику партии. Здесь они всегда и неизменно наталкивались на большевистскую решимость, на ленинскую непреклонность, на стальную волю партии, строящую социализм и беспощадно отбрасывающую в сторону всех тех, кто тормозит дело революции и кто ему сопротивляется.

Вредительский генеральный план

Вредители вели самую решительную борьбу против высоких темпов развития социалистического хозяйства. Достаточно известны минималистские установки, которые они давали, выступая по вопросам контрольных цифр, по вопросам годовых планов и пятилетнего плана. Но очень мало известна работа по генеральному плану, которая возглавлялась ряд лет буржуазным профессором Осадчим. Те проектировки, которые комиссия Осадчего давала по генеральному плану, рассчитанному на 15 лет, были даже в тот период столь смехотворны

и находились в столь вопиющем противоречии с действительными темпами социалистического строительства, что ни одна из прикидок генерального плана не получила утверждения.

В основе генерального плана лежала совершенно неправильная методология. Никаких задач по строительству социализма, а тем более окончательному построению социалистического общества генплан Осадчего не ставил перед собою. Никаких предпосылок марксистско-ленинского понимания экономики там не было. Генеральный план формально исходил из целевого задания и как бы щеголял своей «революционностью».

В чем же заключалось это задание? Оно заключалось в том, чтобы через 15 лет удвоить народный доход на душу населения. Не говоря уже о том, что количественно это задание вредительски-хвостистское, не говоря уже о том, что с того времени мы за пять лет, в условиях пока очень тяжелых, успели уже выполнить почти половину этого задания (так народный доход на душу населения вырос на 46%), надо указать, что методологически этот подход совершенно неверен. Ведь народный доход является производным от таких факторов, как производительные силы и производственные отношения. Ясно, что в качестве стержневого задания его брать нельзя.

Здесь уместно вспомнить об одном «большом дне» в Госплане, когда проф. Осадчий докладывал проект генерального плана (непринятый). Он начал с удвоения народного дохода, с того, что для этого должно вырасти городское население на столько-то, в деревне на столько-то, поэтому придется построить столько-то жилищ, надо будет иметь столько-то обуви, столько-то одежды; так много времени употребил на эту сторону дела, что ни до какой энергетики, ни до какого металла, ни до каких ведущих отраслей нашего народного хозяйства он уже не дошел.

Надо помнить, что генеральный план составлен был Осадчим и его друзьями на 15 лет вперед: с 1925/26 г. по 1940/41 г. Генеральный план составлялся по пятилеткам, и вот, если взять одни только проектировки по таким решающим отраслям, как металл и машиностроение, то обнаружится, что уже в настоящее время, по истечении 1929/30 г., мы перевыполнили те задания, которые ставились перед народным хозяйством. По черной металлургии комиссия Осадчего намечала прирост в течение первых 5 лет на 120%, в течение второго пятилетия — на 60%, третьего пятилетия — на 37%. В этом проекте между прочим заверстана знаменитая потухающая кривая, базаровская идея потухающей кривой, в силу которой наше народное хозяйство из пятилетия в пятилетие и из года в год должно снижать темпы своего развития. Сколько же мы выполнили в действительности по черной металлургии за истекшее пятилетие? Оказывается, она за одно только пятилетие составила 191,4% по отношению к 1925/26 г. вместо 120% прироста, запроектированного Осадчим. По крупному машиностроению комиссия Осадчего проектировала по пятилеткам прирост

в 50 и 60%. В действительности же уже в настоящее время — в 1930 г. — общее машиностроение увеличилось на 245% по отношению к 1925/26 г. По прочим отраслям металлопромышленности генеральный план, составленный Осадчим и его единомышленниками, шел по динии той же потухающей кривой, предполагая для первого пятилетия 140% прироста, для второго — 60%, а для третьего — 35%. Что сказала действительность? В настоящее время эти отрасли металлопромышленности составляют уже 436,4% по отношению к 1925/26 г.

Соответственно этим проектировкам намечались темпы и по другим отраслям промышленного производства и по сельскохозяйственной продукции. Черепашьим темпам производства соответствовали и темпы грузооборота. Весь грузооборот всех дорог нашей страны должен был по предположению генерального плана возрасти в 1941 г. до 190 млн. тонн (11.400 млн. пудов). В действительности же уже в 1929/30 г. один только грузооборот железных дорог составляет 241 млн. тонн, т. е. по грузообороту мы имеем за пятилетие перевыполнение того, что они проектировали на 15 лет вперед.

Вредительская теория советского хозяйства

Но, товарищи, вы не думайте, что эти цифры брались только с потолка. С потолка кое-что бралось, но вредители пытались подводить под них некую философскую базу, философское экономическое обоснование. Конечно тут привлекались и довоенные данные, и сравнение с капиталистическими странами, и все прочее. На этих статистических данных мы не будем останавливаться. Отметим только, что эти малые темпы вредители пытались обосновывать как раз особенностями реконструктивного периода. Они давали своего рода теорию советского хозяйства, или по крайней мере теорию восстановления и реконструкции. В основу этой теории они положили совершенно неправильную предпосылку, которую без стеснения выдвигали во всех своих статьях, во всех своих выступлениях, на ответственных заседаниях и в Госплане и в других учреждениях. При этом вредители поддерживали друг друга наперебой.

В чем заключается эта особая философия? Она заключается в том, что пролетариат, взявший в свои руки власть, способен только разрушать производительные силы страны и может существовать только за счет основного капитала, унаследованного им от прошлого капиталистического строя. Они заявляли, что восстановительный период тем и характеризуется, что мы только восстанавливаем тот основной капитал, который лежит мертвым грузом, который ждет своей активизации. Но с исчерпанием этого основного капитала кончаются и возможности нашего дальнейшего развития. Такую мысль пропагандировали представители буржуазной идеологии в наших учреждениях, упорно внедряя ее в советские умы. Ею пленялись иногда и отдельные коммунисты. В качестве образца такого понимания нашего народного хозяйства укажем на выступление в Госплане Авилова (по

докладу Громана о динамике и конъюнктуре народного хозяйства за первую половину 1923/24 г.). Авилов заявил следующее:

«Теперь, когда мы вошли в норму и достигли значительных результатов, говорить о том, что и дальше пойдём тем же быстрым темпом, не приходится. И в этом основное различие конъюнктуры прошлого и нынешнего годов»¹. Тот же Авилов на том же заседании даёт убийственную характеристику нашей промышленности: «Промышленность, — говорит он, — делается похожей на хилого ребенка, которого постоянно нужно кормить искусственными средствами. Промышленность оказывается в роковом тупике»².

Более развернуто выражает эту мысль Громов, совершенно недвусмысленно заявляя при этом, что он пытается дать целую систему взглядов, так сказать, философию нашей экономики и экономической политики: «Я, — говорит он в заключительном слове по докладу о современном состоянии народного хозяйства советских республик, — в своем докладе пытался свести концы с концами, дать систему, доказать, что мы жили путем расходования основного и оборотного капиталов, указать диспропорцию между промышленностью и падением добычи сырья, понижением потребления крестьянством и прекращением производства им сырья. Я считаю, что в деревне нет сырья для поднятия промышленности, и это будет продолжаться ряд лет. Крестьянство будет работать на себя, а не на рынок. Моя формула такова — без помощи извне мы не справимся»³. Начиная с 1922 г., Громан и его друзья пытались усиленно вколачивать коммунистам и беспартийным мысль, что мы жили и живем только за счет расходования основного и оборотного капитала, не создавая никаких новых ценностей, пожирая все то, что унаследовано рабочими от буржуазии. Вся наша история за последние годы, все действительно объективные данные, все статистические данные, которые Громан и его друзья пытались фальсифицировать, всячески преуменьшая наши успехи и достижения, все говорит об исключительной абсурдности такого положения, о том, что они никакой почвы под собой не имеют. Однако в годы восстановительного периода, когда положение было действительно исключительно тяжелым, когда творческие силы рабочего класса еще не могли выявиться в таких огромных размерах, в каких они выявились в период реконструкции, когда по целому ряду отраслей народного хозяйства мы действительно были далеко позади даже довоенного уровня, Громан связывал эти свои идеи с представлением о необходимости и неизбежности перерождения нэпа в систему капиталистическую. Он вместе с другими вредителями старался создать какую-то специальную «идеологию реставрации».

¹ Заседание Экон.-стат. секции Госплана СССР от 24/IV 1924 г. Архив Госплана, Эконом.-стат. секция, дело № 79, лист 162. Разрядка наша. Р. 3.

² Там же, стр. 163.

³ Заседание президиума Госплана от 23 декабря 1922 г.

Исключительно неуклюже выступает против высоких темпов такой вредитель, как Гартван, который заявляет при обсуждении пятилетнего плана в 1929 г. следующее: «Высшее правительство и все народное хозяйство ждут от нас рабочего хозяйственного плана. А мы в своем стремлении осуществить эту задачу выступаем с планом, который с точки зрения металла например является совершенно бесхозяйственным. Почему? Да потому главным образом, что он предусматривает такое форсирование хозяйства металлопромышленности, которого ни одно хозяйство никогда не допустило бы»... О каком таком «бесхозяйственном» плане идет речь? Спор шел тогда в Госплане по вопросу о том, можно ли предусматривать в пятилетке 8 или 10 млн. тонн чугуна. А вредители Гартван и Таубе доказывали, что выше 6 млн. тонн чугуна ни за что нельзя проектировать, обнаруживая между прочим не только страшную политическую реакционность, но исключительную отсталость в вопросах техники и последних достижений науки за границей. Как известно, мы будем иметь к концу той же пятилетки, о которой тогда шла речь, не 6 и не 10 млн. тонн, а 17. Как пришлось уже отмечать в другом месте, госплановские и ВСНХ'овские вредители хотели украсть у рабочего класса 10 млн. тонн чугуна и ограбить социализм на несколько лет развития. Недаром вредитель Калинин говорил, что пятилетка потребует не меньше 10 лет для своего осуществления.

Громановские коэффициенты

В последние годы, когда вредители видели, что партия идет по пути высоких темпов, отмечая их и всех тех, кто в силу своей правооппортунистической ограниченности объективно поддерживает их внутри партии, они стали прикрываться как бы «чистотой» идеи индустриализации и коллективизации. Например один из тех, которые всегда гордо называли себя представителями громановской школы, статистик Вишневский выступал против увеличения программы тракторизации, пытаясь доказать, что при меньшем количестве тракторов будет возможность получить относительно большие результаты и что высокие темпы могут нарушить чистоту идеи тракторизации.

«Если мы будем иметь 50 тысяч тракторов, то мы можем надеяться, что мы доведем нагрузку каждого трактора до 70 дес. и следовательно обработаем 3,5 млн. дес., но если будем иметь 100 тыс. тракторов, то можно поручиться, что нагрузка будет не больше 55 дес. на трактор, и от 100 тыс. тракторов мы будем иметь не 7,5 млн., а 5,5 млн. дес. вспашки, т. е. увеличение только на 2 млн. десятин при большой возможности компрометировать идею тракторизации сельского хозяйства».

Совершенствуя и углубляя свою вредительскую философию, Громан впоследствии пытался создать теорию о том, что над нашим народным хозяйством должны довлеть те отношения и те пропорции, которые существовали до войны. Правда, в 1924—1926 гг., когда он

особенно энергично развивал эти свои взгляды, у него не хватало смелости говорить о том, что мы должны вернуться к тем же производственным отношениям в экономике, которые существовали до революции. Но он выводил якобы исключительно объективные, беспристрастные эмпирические закономерности, в силу которых у нас всегда и неизменно будут сохраняться те ценностные отношения между товарной продукцией промышленности и товарной продукцией сельского хозяйства, которые существовали в 1913 г.

Громан рассуждал примерно так: если принять за 100% всю ценность товарной массы, поступающей на рынок от промышленности и от сельского хозяйства вместе взятых, то ценность товарной массы промышленности составит 63%, а сельского хозяйства 37%. Так, говорил он, было в 1913 г., такое положение имеется в 1925 г. и так будет в дальнейшем во все последующие годы. Громан с исключительным упорством всегда и неизменно отстаивал эти свои идеи, приобретшие печальную известность «пропорции 63:37». Ему удалось включить их одно время и в контрольные цифры.

Он не говорил при этом, что, восстанавливая старые довоенные пропорции между социалистической промышленностью и частным сельским хозяйством, мы должны идти к восстановлению в стране довоенных классовых отношений, но этот вывод логически вытекает из его «коэффициентов». В 1924—1926 гг., когда Громан развивал эти свои идеи, он был еще достаточно осторожен, чтобы этого не делать. Однако за него это делали другие. Та же комиссия Осадчего по генеральному плану, о которой мы говорили выше, руководствуясь громановской пропорцией 63:37, устанавливала рост товарной продукции обобщественного и частного секторов примерно так: 240 и 180%, т. е. комиссия считала, что за 15 лет частное хозяйство должно настолько усилиться в нашей стране, что оно даст прирост товарной продукции на целых 180%. Таким образом Громан предсказывал якобы объективные тенденции, а друзья его немедленно делали из них экономические и политические выводы.

Представители капитализма — Осадчий и Громан, — заседавшие в Госплане, превращали таким образом «науку» в орудие классовой борьбы, заведомо планируя социалистическое строительство на возврат к капитализму.

Строя план на 15 лет вперед, комиссия Осадчего закрывала глаза на то, что уже тогда, в 1927 г., происходило сокращение не только относительных, но и абсолютных размеров частной промышленности. Они считали, что и через 15 лет она еще будет существовать и увеличится с 390 млн. руб. (в довоенных ценах) до 990 млн. руб., т. е. на 254%.

С проектировками комиссии Осадчего вполне гармонировали и приобретенные печальную известность проектировки проф. Огановского по генеральному плану сельского хозяйства, которые не были приняты ни Госпланом, ни партией. В этих проектировках Огановский исходил из того, что тенденция стихийного развития мелкого крестьян-

ского хозяйства и сохранения индивидуальных форм хозяйствования в деревне является тенденцией извечной и что даже через 15 лет количество крестьянских хозяйств будет расти и достигнет 35 млн. Историей планирования не выяснено, добавлял ли мракобес Огановский к 35 млн. еще какие-нибудь десятые, сотые и тысячные доли, но во всяком случае эта цифра, как и все другие, преподносилась с серьезным видом людей, которые огромным и упорным трудом добывают из тайников науки «священный огонь» для нашей грешной земли.

В этом же духе работал для генерального плана и контрреволюционер Альберт Вайнштейн, который вычислял урожайность по черепашьим темпам, игнорируя всякую реконструкцию сельского хозяйства, влияние на урожайность его коренных социально-технических изменений.

«Мы полагаем, — писал Вайнштейн, — принять в качестве ежегодной нормы прирост урожайности в 0,8-0,9 пуда в год, что дает 1,6-1,8% в год с небольшим понижением этого процента в конце периода. Этот прирост на 60—80% превышает средний довоенный прирост и дает общее увеличение планового урожая за 15 лет в 12—13,5 пуд., или около 25%. По нашему мнению указанный процент является скорее максимальным, нежели минимальным»¹.

Стоит ли после того огромного роста, который дала наша промышленность за последние годы, после того колоссального исторического перелома, который всю абсурдность в деревне в сторону рэзжбации, доказывать всю абсурдность того, что сочиняли Громаны, и того, что у него списывал Осадчий и другие. Считая излишним тратить на это время, можно отослать интересующихся к имеющейся по этому вопросу литературе². Необходимо только отметить, что Громан был неправ не только с точки зрения экономико-политической, но и с точки зрения статистических вычислений. Как показал беспартийный работник Госплана СССР т. Персиц, Громан, выводя свои эмпирические закономерности, явно жульничал. Так например он исключал из расчета часть обращающихся в деревне промтоваров, дабы уменьшить удельный вес промышленности, считал сельскохозяйственную продукцию по повышенным ценам, а промышленную по пониженным и т. д.

Единый фронт вредителей, работавших довольно единодушно в области конъюнктуры, пытался использовать свои позиции в советских учреждениях, как мы видели, также и в составлении планов. Им было на-руку то обстоятельство, что коммунистическая прослойка в плановых ячейках ведомств и в Госплане была в прошлые годы крайне незначительной и еще не была в состоянии уследить за всеми сторо-

¹ Доклад в комиссии генплана от 17/ХІІ 1926 г. Дело № 69 ком. генплана, лист 116»

² Статья Вайсберга в „Правде“, полемика между Громаном и Вайсбергом в „Экономической жизни“, статьи Громана, Миндлина в „Плановом хозяйстве“.

нами плановых проектировок. Как на один из таких примеров можно указать на «материалы к пятилетнему плану на 1926/27 и 1930/31 гг.», в которых пятилетний план промышленности составлял проф. Калинин, сельского хозяйства — Вишневецкий и т. д. Беда заключалась в том, что работавшая тогда комиссия по перспективному планированию была столь слаба по своему партийному составу, что она не была в состоянии достаточно глубоко вникнуть в представляемые материалы и корректировать их с необходимой тщательностью. «Материалы» эти были опубликованы в разгар борьбы троцкистско-зиновьевской оппозиции против партии. Оппозиция не преминула спекулировать на этих «материалах», пытаясь обвинить партию в хвостизме и прочих смертных грехах. Оппозиция, превратившаяся тогда в явно контрреволюционное течение, и на сей раз села в глубокую политическую лужу, так как партия не только не приняла этих «материалов», но на XV съезде дала совершенно иные директивы по составлению пятилетнего плана. Директивы, послужившие началом для развернутой социалистической реконструкции и для решительного социалистического наступления.

За концессии, против индустриализации

Под видом «беспартийной» методологии планирования и под видом организационных вопросов вредители давали свой буржуазно-классовый ответ на все кардинальные проблемы нашего развития.

Они отвечали даже на такой «аполитичный» вопрос, как наше международное положение. На заседании, на котором никто от Громана ответа на этот вопрос не требовал, на заседании, на котором обсуждались организационные вопросы построения плановой системы и проблем районирования, вредитель Громан дал по этому вопросу совершенно ясный ответ. В 1922 г. он заявил следующее:

«Когда мы теперь ставим вопрос о районировании, нам надо подходить к этому вопросу не с той точки зрения, что у нас плох транспорт и распались районы. Вопрос надо ставить так, чтобы определить, как надо управлять, чтобы хозяйственная жизнь России шла вперед и чтобы она представляла максимум цельности. Все доводы защитников районов очень интересны, и И. Г. Александров и К. Д. Егоров, защищая районирование, подчеркивают ценность районов, забывая в это время про цельность целого — про цельность РСФСР. Я считаю, что каждый район в чрезвычайной мере зависим от центра, и если например ослабить связь Донбасса или Азнефти с центром, то это плохо отразится прежде всего на Донбассе и Азнефти. Я согласен с тем, что сейчас нет особого русского народного хозяйства, а есть чисто мировое хозяйство, и что только ориентируясь на мировое хозяйство и можно жить. И. Г. Александров упомянул, что каждый район имеет свой баланс и имеет связь с другими районами и с мировым хозяйством. Каким образом районы могут иметь непосредственную связь с мировым хозяйством, этого я себе не представляю. Ясно, что части и

центр всего народного хозяйства всегда стоят в противоречии друг с другом, и то, что выгодно центру, то невыгодно районам»¹.

Мы нарочно привели эту длинную цитату без всяких сокращений, так как на ней можно проиллюстрировать специфические методы тех советских вредителей, которые больше других приспособивались к нашей обстановке. Они высказывают не только неправильные, но и правильные мысли. Например в данном случае Громан выступает поборником единого хозяйства в противовес сепаратистским тенденциям отдельных районов. Вообще было бы наивно думать, что вредитель только тем и занимается, что развивает вредительские идеи. Это столь же примитивно, как рисовать себе социал-фашиста обязательно с фашистским знаком на лбу, стоящим на коленях перед капиталистом.

Вредитель и особенно вредитель от планирования воспринимает в порядке социальной «мимикрии» также и советские идеи и иногда развивает их. Эта сторона дела многих ослепляет и подкупает, не давая им возможности сразу разглядеть буржуазно-вредительскую сущность. Вместе с тем они разрешают вопросы извращенно и в корне неправильно. В приведенной выше цитате Громан с высокого дерева плюет на такие очередные хозяйственные вопросы, как восстановление разрушенного гражданской и империалистической войной транспорта, как хозяйственное строительство районов и т. д. Он защищает единое хозяйственное строительство, вещи «быцплкд цплкдз тжбшря п единое народное хозяйство, но не с точки зрения социалистического строительства и даже не с точки зрения простого «буржуазного» восстановления разрушенных производительных сил, а только под углом зрения мирового капиталистического хозяйства. Громан не знает и знать не хочет особых, ни одной стране в мире не свойственных интересов нашей страны, страны пролетарской диктатуры, строящей социализм в империалистическом окружении, идущей своим социалистическим путем. Ему тесно в социалистическом государстве, его влечет к себе «нормальный» капиталистический строй, он заявляет, что только ориентируясь на мировое хозяйство можно жить.

Может быть это случайность? Но оказывается, что соратник Громана — Базаров — никак не может разрешить «надклассовые» вопросы методологии планирования, также не касаясь этого вопроса даже в 1928 г. В докладе, посвященном методологии планирования, который был составлен Базаровым для президиума Госплана и который был встречен в штыки рядом коммунистов и не был принят Госпланом, в этом докладе Базаров пишет следующее:

«Идея международного разделения труда, — говорит он, — идея международного районирования общественных производительных сил в мировом масштабе обязательна для генерального плана не в меньшей степени, чем принцип национального районирования в СССР».

¹ Протокол № 58 заседания президиума Госплана 20 апреля 1922 г.

Базаров ставит знак равенства между нашими районами внутри СССР и капиталистическими странами. Для него СССР — только «район» в мировой капиталистической системе. Он при этом говорит, что единственно, что можно себе, так сказать, позволить — это строить железные дороги с учетом задач национальной обороны. Но ведь любое буржуазное государство, не имеющее тех специфических особенностей, которые имеет СССР, и не ставящее перед собой специальной задачи построения социализма на занимаемой им территории, любое такое государство очевидно и, как всем известно, очень основательно интересуется не только самообороной, но и империалистическим наступлением. Базаров совершенно не видит или не хочет видеть специфического отличия СССР, как страны, строящей социализм.

Исходя из разделения труда в мировом масштабе, придавая этому разделению труда и в экономическом и в политическом отношении такое же значение, как разделению труда внутри страны на территории отдельных республик и районов, Базаровым выдвигается любопытная, хотя и не отличающаяся особой глубиной концепция. Он считает, что в силу наличия передовых капиталистических стран, которые имеют у себя достаточно мощную индустрию, которые располагают рядом отраслей, отстающих в СССР, в которых ряд других отраслей шагнул гораздо дальше, чем у нас, в силу наличия такого ряда стран, нет никакой надобности развивать у нас в СССР отстающие отрасли промышленности. Базаров поэтому полагает, что мы должны заниматься только производством таких товаров, которые имеют достаточно широкий массовый спрос, а все остальное следует ввозить из-за границы или сдавать в концессии. У него в основном ориентация на производство предметов широкого потребления, которые действительно имеют наиболее массовый спрос.

Что же это — индустриализация страны с «ситцевого» конца? То, что предлагали еще некоторые коммунисты во время XIV съезда партии? С внешней стороны — нет, потому что Базаров выступал (он выступал в 1928 г.) после того, как эта концепция была довольно основательно раскритикована и отвергнута партией. Здесь ему нужна некоторая маскировка, и эту маскировку он находит очень легко. Базаров предлагает в данном случае, как весьма модную, идею рационализации. Он выдвигает во главу угла принцип рационализации и подчиняет этому принципу всю нашу строительную политику. Базаров заявляет, что мы должны развивать только такие отрасли промышленности, которые поддаются основательно рационализации, а рационализация возможна только там, где имеется массовое производство, а массовое производство возможно там, где имеется массовый спрос. Базаров пишет по этому поводу буквально следующее:

«Рационализация в этой последней и самой эффективной ее форме осуществима только при гигантской массовости производства. Вот почему массовость есть тот основной критерий, которым должна определяться очередность наших реконструктивных

начинаний. В первую очередь должны быть реконструированы отрасли, производящие предметы широкого потребления и те виды средств производства, потребности в которых уже теперь носят достаточно массовый характер. Во всех прочих отраслях следует предпочесть, пока они не приобрели достаточно широкой базы внутри СССР, закупки необходимых продуктов за границей или предоставление концессий иностранным капиталистам¹.

Таким образом Базаров подчиняет основную линию партии, линию индустриализации лозунгу второстепенному, лозунгу рационализации. Конечно никто из нас против рационализации не спорит, ее мы стараемся всемерно проводить, но это одна из подчиненных идей в нашем строительстве, а Базаров ставит ее во главу угла, выдвигает в качестве основного принципа; индустриализацию же, развитие тяжелой индустрии, необходимые для социалистического строительства пропорции между отдельными отраслями промышленности — все это он подчиняет идее рационализации.

Базаров, как известно, считал себя 100%-ным марксистом, правда — не ортодоксом; он щеголял тем, что он когда-то был большевиком, и во всяком случае он старался выглядеть в советских условиях человеком первосортным. И вот интересно, что этот самый «марксист» Базаров очень рьяно выступает в защиту кулачества, считая, что «мы обязаны для индивидуального хозяйства обеспечить условия существования гораздо более прочные и гораздо более крепкие, чем было до войны». Он за крупные индивидуальные хозяйства в большей степени, чем это давала политика буржуазная. Конечно Базарову невдомек, что рост благосостояния деревни теснейшим образом связан как раз с ограничением и ликвидацией кулачества, с развитием социалистических форм, с ростом коллективизации и с ростом нашей индустрии. А против индустриализации, как мы видели раньше, Базаров выступал довольно четко.

Итак громановские выступления по организационно-плановым вопросам 1922 г. и базаровская «сверхнаучная и сверхклассовая» методология 1928 г. являются ничем иным, как обоснованием практических действий политической платформы вредителей-кондратьевцев. В данном случае конечно нам совершенно не нужно заниматься вопросом о том, кто из них раньше сказал «э» — меньшевики Громан и Базаров, с одной стороны, или кондратьевцы, — с другой, а важно только то, что идеологическое «родство душ» вело их к деловому контакту и контрреволюционному содружеству между собой и с «промпартией».

Это же «родство душ» делало их идейными союзниками правых в их борьбе против партии.

Как мы видели, и у Громана и у Базарова была ставка на усиление нашей зависимости от заграницы. Практически эту работу весьма усердно проводила в ряде отраслей народного хозяйства «промпар-

¹ „Плановое хозяйство“ № 2, 1928 г., стр. 38.

тия». В то время как коммунистическая партия с успехом борется за освобождение от иностранной экономической зависимости, Громан, Базаров и Кондратьев развивают идеи о необходимости усиления этой зависимости, а их единомышленники, орудовавшие в оперативных органах, всячески срывали наши строительные начинания, практически подкрепляя базаровско-кондратьевскую контрреволюционную идеологию и «методологию». Излишне говорить, что ни в какой форме, ни в какой степени эти громановско-базаровские концепции на политику партии не повлияли и повлиять не могли.

И Громан, и Базаров, и прочие другие, которые шли за ними, делались все более открытыми нашими врагами по мере усиления классовой борьбы в стране. В той борьбе, которая разворачивается внутри страны и в которой вредители активно стоят на враждебной нам стороне баррикады, они пытались в своих выступлениях совершенно недвусмысленно оправдывать кулака против советской власти. Поэтому в свете вредительских действий особый интерес приобретают такие заявления, которые Громан в свое время делал и которые даже кое-кому из коммунистов казались тогда невинными.

«Государство, — говорит он, — было вынуждено прибегнуть к экстренным мерам, нарушающим нормальный ход хозяйственной жизни, потому что мы имеем минимум хлебазаготовок и хлебоснабжения».

И далее: «мы приняли такие меры, которые нарушают нормальный ход хозяйственной жизни, а при ненормальном ходе и конъюнктурные прогнозы не могут быть обоснованными»¹.

Это Громан говорил по поводу чрезвычайных мер, которые мы начали практиковать в 1927/28 г. Судя по тем словам, которые мы привели, он внешне как будто согласен, что государство было вынуждено прибегнуть к этим мерам, но за вычетом этой словесности Громан заявляет, с другой стороны, нечто более существенное, а именно, — что как раз эти формы нарушают весь нормальный ход хозяйственной жизни. При этом он ни слова не говорит о сопротивлении кулачества, о той хлебной забастовке, которую кулак устроил нам в период хлебазаготовительной кампании, и о том, насколько капиталистические силы страны действительно нарушают и пытаются разрушить нормальный ход социалистического строительства. Все это для Громана несущественно, так как нормальной он считает не политику коммунистической партии и советского государства, а капиталистический «ход» экономики.

Поразительное недомыслие проявляет Громан тогда, когда он подходит к вопросу о росте удельного веса государства и кооперации на частном рынке и в частности по тому же вопросу о хлебазаготовках.

«Товарищи, — говорит он, — я думаю, что мы присутствуем при очень большом вопросе исторической важности. Мы помимо воли и

¹ Заседание президиума Госплана 10/III 1927 г. Архив Госплана. Дело №1 1927 г., стр. 105.

сознания установили хлебную монополию, мимо воли и сознания у нас течет, примерно 10 месяцев, процесс дезорганизации хлебного рынка, оказавший уже громадное влияние на условия посева наших технических культур, так как изменился эквивалент не в пользу посева сырья. И вот мы ставим теперь вопрос: как все это случилось? Позвольте напомнить наши подходы к плану этого года. Мы не предполагали, что мы сделаем хлебную монополию. Я помню свое выступление, в котором говорил, что в Советской России, при советском строе государство должно быть хозяином на рынке, но для того, чтобы быть хозяином на рынке, достаточно иметь 51% снабжения. И уже только наглость можно набавить, и мы набавили до 75% на наше неумение организовать и регулировать. И вот мы доходим до 91%».

Как защитник интересов индивидуального крестьянского хозяйства и в первую очередь кулачества, как защитник свободной частной торговли против государства и кооперации, Громан внешне прикидывается сторонником роста удельного веса государства и кооперации на рынке, но пытается применить здесь известные нормы капиталистических акционерных обществ, предлагая нам ограничиться 51% хлебозаготовок. Громан ставит знак равенства между нашими связями с деревней и между пакетами акционерных обществ или считает, что можно найти таких дураков, которые вообразят, что нам достаточно иметь 51% хлебных пакетов для того, чтобы быть хозяевами на рынке, и для того, чтобы строить социализм. Представляя отживающую и разлагающуюся буржуазию, Громан вынужден договариваться до явных глупостей. Классовая идеология сильнее индивидуального ума, изворотливости и умения.

В то время как Громан, Юровский, Базаров, Кондратьев старались тащить наше народное хозяйство к капитализму, партия подымала нашу хозяйственную систему своими методами планирования на более высокую реконструктивную ступень. План завозов промтоваров при тех огромных недостатках, которыми он страдал и теперь еще страдает, представляет из себя с нашей точки зрения все же одну из форм роста нашей плановости и укрепления социалистического влияния в деревне. Восставая против этого, Громан и его друзья оказываются совершенно беспомощными привести хотя сколько-нибудь членораздельные экономические доводы и истошным голосом кричат против квитанций о сдаче хлеба, грозят финансовым крахом торговли и на этом основании пытаются отказаться от формулировки каких-либо перспектив. Это, так сказать, своего рода «легкий саботаж», который они уже пытались проявить по отношению к нашей плановой работе, чувствуя, что их уже довольно основательно отстраняют от работы. Вскоре после такого выступления Громан и его единомышленники действительно были отстранены от плановой работы.

Не лишне между прочим в этой связи указать на следующее. В белогвардейской социал-демократической и просто буржуазной печати проскальзывают теперь, в связи с опубликованием материалов о вредительстве, такие заявления, что Громан и Кондратьев являются «творцами», «отцами» пятилетки. Надо сказать, что это чепуха несусветная. И Громан и Кондратьев выступали против всех пятилетних планов всего народного хозяйства в целом. В Госплане Громан работал над конъюнктурой и над контрольными цифрами. Известно, что Кондратьев участвовал в составлении первой с.-х. пятилетки Наркомзема, т. е. по пятилетке одной отрасли народного хозяйства. Но если взять все пятилетние планы народного хозяйства в целом, которые составлялись в Госплане, то и Громан и Кондратьев всегда выступали против них; они выступали даже против той пятилетки, которая отличалась наиболее мизерными проектировками. По существу же они не принимали участия в составлении ни одной сводной пятилетки.

Однако их работа над другими вопросами была в достаточной степени вредительской.

План и стихия

Если попытаться свести к чему-то единому, обобщающему методологические установки Громана, Базарова и Кондратьева и ряда более мелких приспешников буржуазных профессоров, то можно сказать, что в центре у них стоял вопрос о плане и стихии.

Вредители, отвечая на политические вопросы, по-своему подгоняли к своим ответам и свои установки, так называемую «чистую» методологию по вопросу о плане и предвидении.

Мы знаем основное положение Маркса, по которому капиталистическое общество таит в своих недрах тенденции капиталистического развития. Но это положение ни для Громана, ни для Кондратьева не существует. Они игнорируют также и то обстоятельство, что при диктатуре пролетариата в СССР в период переходный от капитализма к социализму имеются объективные тенденции, которые ведут по направлению к социализму. Они вместе с тем совершенно превратно понимают активную роль рабочего класса и коммунистической партии. Игнорируя те объективные силы, тот объективный ход истории, который ведет нашу страну по направлению к социализму, они закрывают глаза и на ту обостренную классовую борьбу, с которой связано социалистическое строительство, якобы забывая о бешеном сопротивлении тех самых остатков капитализма, идеологами которых являются они же — Громан, Базаров, Кондратьев, Юровский и др. У них получается наоборот. Все то, что объективно, все то, что существует в действительности, должно, по их мнению, идти против социализма и против диктатуры пролетариата. Социалистическое строительство они рассматривают исключительно как продукт злой, субъективной воли советского государства, воли пролетариата, идущей в разрез с

объективной действительностью, с ходом исторического развития. Отсюда — на одной стороне находится, по их мнению, экономическая стихия, рыночные отношения, капиталистические тенденции, а на другой стороне — социалистические элементы страны. Первое — это «действительность», второе — «субъективизм» и коммунистическая воля.

Вся «наука» планирования имела у вредителей целью укрепление капиталистических элементов настолько, чтобы направить экономику и политику страны на путь буржуазной реставрации. Профессор Юровский например мирился и то с крайней натяжкой с теми формами нэпа, которые сложились до 1926 г. А проф. Громан сочинил теорию «об эмпирических закономерностях», которая должна была доказать, что над нашей экономикой всегда и неизменно довлели, довлеют и будут довлеть довоенные экономические отношения.

Громановско-богдановское „равновесие“ и базаровская „троица“

Из других вопросов «беспартийной методологии» интересно остановиться на вопросе о преимуществах советской и капиталистической систем. Горе-теоретиком по этому вопросу выступал Базаров. Не долго думая, он решает вопрос в пользу капитализма с буквально ребяческой мотивировкой. Признавая на словах преимущества советской системы, Базаров считает, однако, что плановые организации советской страны обходятся значительно дороже, нежели содержание капиталистических паразитов в буржуазных странах¹.

С этим теснейшим образом увязывается его совершенно бездоказательная теория о потухающей кривой, в силу которой наши темпы развития должны все время двигаться по убывающей кривой.

Правда, все данные о фактическом ходе выполнения наших промышленных планов говорят об обратном. Но Базарову до этого мало дела. Он выводит свою теорию из запутанных математических формул, когда ему надо обосновывать положение о потухающей кривой, и не дает себе никакого труда для доказательства чего бы то ни было, когда он говорит о преимуществах капиталистической системы хозяйствования перед социалистической. Философские корни базаровского планирования уходят в богдановщину, сторонником которой Базаров всегда открыто признавал себя. Базаров и Громан пытаются навязать планированию «регулятивную» идею механистического равновесия, в силу которого наши задачи должны сводиться только к сохранению тех соотношений, тех пропорций, которые даны в народном хозяйстве, ни малейшим образом на нарушая их. «Равновесие, — говорит Громан, — есть высший постулат, всякое нарушение которого немедленно приводит к кризису и заставляет исправлять допущенные отступления от его требований»².

¹ См. Базаров в „Эконом. обозрении“ за 1928 г., стр. 58—59.

² См. статью Громана в „Плановом хозяйстве“ 1925 г.

Так писал Громан в 1925 г. Однако, по мере роста марксистско-ленинского влияния коммунистов в области планирования, по мере разоблачения всего убожества теории равновесия, Громан и Базаров начинают замалчивать эту идею, выдвигая вместо нее другое общее положение. Мы имеем в виду приобретенную некоторую известность триединую формулу Базарова, выражающуюся в следующем: «Триединый постулат оптимального сочетания роста производительных сил, благосостояния трудящихся и процессов обобществления составляет телеологический стержень плана»¹.

Формула выявляет, с одной стороны, вынужденную установку на обобществление, на социалистическое строительство, а с другой стороны, она использует остающиеся щели в плановой работе для того, чтобы протащить реакционные вредительские установки. В этой формуле обращает на себя внимание то, что на последнем месте стоит вопрос о развитии социализма, о росте социалистических форм, а на первом месте поставлены интересы развития производительных сил и роста потребления трудящихся. Базаров, как и все его единомышленники, исходя из той неправильной предпосылки, что в советских условиях имеется постоянный антагонизм между производительными силами и интересами потребления и социалистическими формами развития, должен ответить на вопрос о том, кому из них принадлежит ведущая роль, и он на этот вопрос дает ответ. «Развитие производительных сил, — говорит он, — есть ведущее звено»². Кривая общность Базарова и правых бросается здесь в глаза. Однако, если правые стараются замолчать классовые вопросы, то Базаров в своей формуле прямо ставит вопрос и о производительных силах, и о социалистических отношениях, и о потреблении трудящихся и отвечает, что ведущая роль должна принадлежать производительным силам. Триединая формула Базарова, как и другие формулировки Громана и Базарова, неоднократно проникала в некоторые документы по планированию, конечно не без борьбы, происходившей в Госплане. Так например в комиссии по контрольным цифрам примерно в 1927 г. при обсуждении методологии составления контрольных цифр коммунисты категорическим образом возражали против триединой формулы Базарова, предлагали исключить ее или сильно изменить базаровскую формулировку. Однако комиссии не стоило большого труда «побить» этих коммунистов не какими-либо доводами, а попросту голосами сидевших в комиссии вредителей Громана, Базарова, Зейлингера, Гухмана, Шуба и др. и голосами некоторых коммунистов, которые не шибко разбирались в политической вредности базаровской троицы.

¹ В. А. Базаров. «Основные принципы построения перспективного плана». Тезисы, представленные в центральную комиссию перспективного планирования Госплана СССР 5 января 1928 г. Дело № 8, стр. 61.

² «Плановое хозяйство» 1928 г., № 8, стр. 43.

Реконструкция как фактор безработицы

Базаров всегда и неизменно рисовал наше положение в самых мрачных тонах. В 1924 г. он заявляет следующее: «Тут выяснились два взгляда на положение вещей — оптимистический и пессимистический. Мне кажется, прежде всего не надо смешивать изменения конъюнктурного порядка и изменения более глубокие. Пессимисты более правы»¹.

Базаров не ограничивается общими декларациями, но мажет советские ворота дегтем при каждом удобном и неудобном случае. Особенно любопытны его рассуждения по вопросу о труде и безработице, в которых он слыл, так сказать, незаменимым специалистом. Этот вопрос он трактовал с точки зрения философии реконструктивной эпохи. По его представлению реконструкция народного хозяйства может только ухудшить положение с безработицей и с так называемым аграрным перенаселением.

«В самом деле, — пишет он, — мы еще по-настоящему не приступили к процессу реконструкции; натуральное хозяйство и различные промыслы, носящие характер скрытой формы безработицы, не ликвидируются, а наоборот поощряются у нас крайней дороговизной и недостаточностью промышленных продуктов широкого потребления. И тем не менее уже в настоящее время мы вынуждены непроизводительно расходовать огромные суммы на поддержание избыточного населения в порядке, так сказать, социальной благотворительности. В нынешнем году будет затрачено около 120 млн. руб. на денежные пособия безработным, десятки миллионов на трудовую помощь им же; большие, но трудно учитываемые средства пойдут на разные виды помощи крестьянской бедноте. Что же будет в разгар реконструкции, когда масса дешевой промышленной продукции хлынет в деревню, освобождая рабочее время миллионов людей? Так как советский строй, оставаясь самим собой, не может ни предоставить их собственной участи, ни «ликвидировать» их методами раннего капитализма, то не останется никакого иного выхода, как затрачивать на помощь избыточному населению уже не сотню миллионов, а миллиарды рублей. Другими словами, для лечения социальных последствий реконструкции пришлось бы расходовать все большую и большую долю тех ресурсов, которые необходимы для самой реконструкции. Если бы мы встали на этот путь, то реконструкция должна была бы весьма быстро замереть, создав глубокий кризис, — не кризис хозяйственной «конъюнктуры», а кризис всей системы планового хозяйства»².

Итак по Базарову период реконструкции отличается не сокращением, а ростом безработицы. При составлении пятилетнего плана ряду коммунистов стоило огромных усилий добиться вопреки Базарову и его сторонникам такой проектировки рабочей силы, которая

¹ Заседание экр.-стат. секции Госплана от 28 апреля 1924 г.

² „Плановое хозяйство“ № 2, 1928 г., стр. 45.

сводит к концу пятилетия безработицу только примерно до 400 тыс. В действительности же оказалось, что у нас уже второй год пятилетки ликвидирует безработицу. Общеизвестны те постановления партии и правительства, которые недавно вынесены по этому вопросу. Здесь однако важен общий взгляд на реконструкцию. По Базарову выходит, что период реконструкции может принести только бедствия народному хозяйству.

Страшен Базаров, но милостива советская действительность. Все факты идут против него. Приведенные выше слова взяты нами из напечатанной статьи Базарова, которую ему пришлось тщательно отделывать, приспособлять и разбавлять немножко розовой водичкой до появления ее в печати, но даже в этой статье Базаров делает недвусмысленный намек на необходимость изменения всей системы советского строя, говоря о том, что, «оставаясь самим собой», советский строй не в состоянии справиться с таким явлением, как безработица. Там же он прямо пишет о крахе всего планового хозяйства, о кризисе всей системы.

Богдановская философия—орудие вредителей и правых

Эти взгляды связывались с мыслью о том, что вся наша система представляет собой какой-то болезненный организм. Идя по стопам таких вредителей, как Юровский, Базаров еще в 1924 г. говорил, что «конъюнктурные колебания свидетельствуют о коренной болезни, которую надо лечить радикальными средствами»¹.

В чем эти радикальные средства? На это дали позже развернутый ответ такие вредители, как Кондратьев, Рамзин, Каратыгин, Пальчинский: возврат к капитализму, интервенция, буржуазная демократия, развертывание подрывной работы, а кое-кто додумался и до террористических актов.

Механистическая методология Богданова и т. Бухарина служит при этом незаменимым оружием в руках вредителей от планирования. Кстати о богдановской методологии.

В тех дискуссиях, которые имели место по ряду вопросов политической экономии, по вопросам экономической политики, партия вынуждена была часто вскрывать богдановскую методологию, показывать людям, что они бессознательно базируются на этой методологии, когда они на словах от нее отрекаются. Громан и Базаров в этом отношении нашу задачу облегчают, потому что тут не надо ничего вскрывать. Они сами, в частности Громан, заявляют себя сторонниками Богданова. В этом отношении приведем следующую цитату из выступления Громана, относящегося к 1922 г.:

«Образовались группы: пессимистов и оптимистов, каждая из которых с горячим убеждением строит то светлые, то мрачные прогнозы. Но если руководствоваться концепцией народного хозяйства,

¹ Дело № 1.(17). Стенограмма 1927 г. План завоза промтоваров. Президиум Госплана 11/1 1927 г.

данной А. А. Богдановым, т. е. идеей целостности народного хозяйства, цепной связи его элементов и решающим значением закона минимума, то мы должны признать наиболее вероятным такой прогноз: при продолжающемся улучшении организации хозяйственных процессов процесс истощения будет продолжаться, стабилизация рубля недостижима и реальный хозяйственный расчет невозможен. Чудес в хозяйственной жизни не бывает. Силою мысли и воли нельзя заместить недостаток материальных элементов хозяйственной жизни. Приток извне средств производства и даже некоторых предметов потребления необходим. Отсюда неизбежен вывод, что мы должны влиться возможно полнее в мировое хозяйство»¹.

Итак через философию Богданова к капитуляции перед мировым капиталом.

«Моя формула, — заявляет Громан, — такова: без помощи извне мы не справимся» (1922 г.).

Громан, меньшевик-богдановец, считал себя марксистом. Спекулируя Марксом, он заявляет: «я считаю, что примат принадлежит производству». И тут же он старается использовать Маркса против нашей политики индустриализации. Извращая Маркса и наговорив кучу нелепиц насчет того, что у нас товар совершенно свободно обменивается на товар и что мы должны равняться по законам рынка, Громан заявляет, что мы имеем «такое соотношение между промышленными и с. х. товарами, при котором обмена не происходит. И у меня, — продолжает Громан, — такое впечатление, что производится то, что не нужно, и не производится того, что нужно. Такой разрыв между промышленностью и рынком, который я вам обрисую в моих конъюнктурных докладах, он отвечает на ваш вопрос. Одно обусловлено другим: насчет пропорциональности и соответствия частей мы хромаем больше, чем любое капиталистическое общество. Этот крик о соразмерности в развитии различных сторон народного хозяйства и будет услышан вами в моем докладе».

В чем дело? А дело в том, что партия проводила энергичный курс на индустриализацию, усиливала в соответствии с этим темп развития тяжелой индустрии. Громану конечно это не нравится и он заявляет, что производится то, что не нужно, и не производится того, что нужно. Это — старые песни, которые мы много раз слышали, которые не устают напевать правые оппортунисты, песни, ничего общего не имеющие с генеральной линией партии и направленные против нее. И почти что предвосхищая «Заметки экономиста», Громан поучает, что «капитальное строительство во всех отраслях должно иметь в начале года материальное покрытие».

Мы позволяем себе спросить проф. Громана и, скажем, т. Бухарина: почему например строительные материалы не могут нами производиться в середине того года, на который составляются контроль-

ные цифры, и в течение того же года использоваться? На эти вопросы они конечно никакого ответа не дадут. Опираясь на ту же богдановскую методологию, перенесенную в область социалистического планирования, Громан апеллировал к объективной философии «генетики» и «телеологии». Он писал:

«Синтез генетической и телеологической точек зрения при примате первой требует формулировки исходного положения, характеристики развития, строения и достигнутого уровня планируемого народнохозяйственного целого. Примат генетической точки зрения, — заявляет далее Громан, — обязателен для нас и в генплане»¹.

В тезисах, выставленных тогда против Громана, мы указывали, что декларирование, подчеркивание примата генетической точки зрения над телеологической является совершенно неприемлемым для нашего перспективного планирования. Наш генезис — «Расся» с татарским игом и трехсотлетием «дома» Романовых, с запоздалым вступлением на путь капиталистического развития, телеология — развернутое коммунистическое общество. «Телеология» может быть превращена в действительность только путем последовательного изменения действительности...

«Конечно, поскольку свобода есть только осознанная необходимость, постольку и генплан и все позднейшие планы никакой абсолютной свободы не дают. Но суть заключается в том, что роль осознанной необходимости все больше и больше усиливается».

В 1925—1927 гг., когда громановская группа особенно активно работала над контрольными цифрами, она и пыталась, исходя из конъюнктурных затруднений, ориентировать планирование на так называемые «лимиты» (богдановский закон минимума) по решающим отраслям народного хозяйства, т. е. на ограниченные возможности, вместо того, чтобы в духе коммунистической партии ставить вопрос о преодолении и расширении «лимитов», вместо того, чтобы ориентировать планирование на боевые темпы, на смелые проектировки и большие строительные задачи.

Пытаясь всячески отвергнуть целевые ставки пролетариата в планировании, пытаясь подчинить контрольные цифры конъюнктурным затруднениям, громановская школа своими «лимитами» в свое время дала фактически тот самый лозунг равенства на узкие места, который впоследствии послужил коньком для правых внутри партии. Громановское крохоборчество многих ослепляло в силу целого ряда обстоятельств, между прочим и потому, что наряду с ним тогда, в 1924—1926 гг., работала кондратьевская группа, которая отстаивала еще более медленные темпы и еще более робкие шаги. Им удавалось брать на удочку ряд беспартийных и настроенных правооппортунистически коммунистов. Надо прямо сказать, что в контрольные цифры первых лет Громану и Базарову уда-

¹ Архив Госплана СССР. Дело № 48 (1922 г.). Президиум Госплана. Лист 358-359.

¹ Материалы к заседанию Методбюро 5/1 1928 г., стр. 11.

лось в завуалированном виде включить некоторые свои идеи. Это одна из тех причин, по которым контрольные цифры оказывались тогда такими, что партия не могла принять их как план действия. Не зная о вредительских действиях в планировании, ленинская партия всегда обладала тем здоровым большевистским чутьем, которое диктовало ей необходимость отвергнуть контрольные цифры, как обладающие шуйцей и десницей, как несоответствующие полностью задачам пролетариата на данной стадии его борьбы за социализм. Только примерно с 1928 г. партия начинает утверждать контрольные цифры, и то внося в них существенные поправки в сторону увеличения. У вредителя Громана однако всегда и неизменно хватало, мягко выражаясь, смелости для того, чтобы упорно навязывать свои практические предложения, свои директивы и мероприятия. Случалось неоднократно, что при обсуждении в середине контрольного года того или иного затруднения, того или иного срыва в планировании Громан заявлял, что виной всему является мол то, что правительство не проводит тех мероприятий, которые он, Громан, предлагал Госплану при составлении контрольных цифр. Он говорил при этом, что контрольные цифры могут быть осуществлены только при проведении определенных, им предлагающихся мероприятий. Но поскольку эти мероприятия не принимались, поскольку они в большинстве случаев отвергались, Громан пытался валить с больной головы на здоровую, стремясь всячески реализовать свою практическую программу, свои экономические указания.

Так например, принимая мысль Базарова и Юровского о том, что наше народное хозяйство представляет собой болезненный организм, Громан объявляет всякие наши новые мероприятия, всякие формы усиления плановости актом отчаяния. Например по поводу тех же планов завоза промтоваров он заявляет следующее: «меня воротит от всего этого плана завоза в теперешнее время... Планы завоза никоим образом не могут стать системой органического планирования народного хозяйства и в частности товарооборота. Такая грубая вещь может быть принята только с отчаяния, когда нужно было во что бы то ни стало обеспечить прежде всего хлопок и т. д.»

Громан приходит в ужас от усиления плановости, от усиления руководящей роли пролетариата в отношении к сельскому хозяйству. Он начинает отчаиваться в возможности мирно, «по-сменовеховски» поставить нашу страну на капиталистические рельсы развития. Собственное бессилие он принимает за наше бессилие и объявляет нашу политику политикой отчаяния.

Госплановские вредители все больше и больше старались маскировать свои истинные взгляды и нередко переходили на эзоповщину. Однажды Громан так прямо и заявил, что он, собственно говоря, не прочь был бы развить целый ряд взглядов, но в силу политических обстоятельств он не может это сделать. На заседании экономико-статистической секции от 28 апреля 1924 г. Громан, отвечая одному оратору,

упрекавшему его в том, что он обошел молчанием некоторые вопросы, заявил буквально следующее: «извините, это чрезвычайно расширенные темы, это значит говорить об исторических судьбах нашего государства, и если бы я говорил, то мне вероятно предложили бы воздержаться».

Приходится пожалеть, что Громан, своевременно облекшись в эзоповскую тогу, не дал возможности всем разглядеть его доподлинную сущность. Вредители планирования и в политических и в философско-методологических вопросах смыкаются с правым уклоном. Однако и то, что говорил Громан, характеризовало его как идеолога капитализма, как врага советского строительства даже в то время, когда коммунисты не считали его вредителем. Так например, выступая в 1929 г. против Громана, я имел возможность на основании одних только печатных работ Громана охарактеризовать его следующим образом: «но на какие бы ухищрения не пустился Громан и его единомышленники, им не удастся замазать тот факт, что его теория как в практическом отношении, так и во всех других отношениях является в настоящее время самой реакционной, самой отсталой, самой предательской, самой враждебной для планового хозяйства, для коммунизма, для рабочего класса и его задач»¹.

Теперь, после того как обнаружилось вредительство Громана и его единомышленников, эта характеристика остается сугубо верной.

Не останавливаясь на ряде других моментов, характеризующих вредительскую идеологию буржуазных плановиков, поскольку нет возможности исчерпать этот вопрос в одном докладе, следует только подчеркнуть, что вредительские теории находили свою опору в вредительской практике. Излюбленным положением Базарова, которое не постеснялся позаимствовать у него кое-кто из правых коммунистов, являлось то, что в советских условиях спрос трудящихся масс, их потребительские интересы растут столь быстро, что никакое предложение за ними угнаться не может. Так вещал теоретик Базаров. А вредители-практики, как бы стремясь застраховать теорию Базарова в области снабжения текстильной промышленности, сельского хозяйства и т. д., старались сократить в максимальной степени наши потребительские ресурсы для того, чтобы действительно сделать невозможным удовлетворение спроса трудящихся масс. Конечно они действовали так не из-за прекрасных глаз Базарова и не из любви к его теории. Допускаем, что те вредители, которые портили консервы, семена и т. д., могли не иметь никакого представления о базаровском учении. Это однако объективно ни в коем случае не уменьшает значения, которое имеет общность практических и теоретических выступлений вредителей, находящихся на различных полосах и борющихся против нас тем орудием, которое каждый из них имел в своих руках.

¹ См. «Плановое хозяйство» 1930 г., № 1, стр. 23.

Базаров защищает планирование от... большевиков

Вредители в разное время по-разному ставили вопросы планирования. Сопrotивление вредителей стало особенно сильно с переходом к реконструктивному периоду. Классовые враги, почувяв, что наступает период их окончательной ликвидации, стали мобилизовывать все свои силы для защиты своих классовых интересов и для подрыва советской власти. В этот период они особенно выступают против чрезвычайных мер, против якобы воскрешения методов военного коммунизма, против усиления плановости. Было однако время, когда кое-кто из них выступал за усиление плановости, за централизацию, за плановый «порядок». Но это было тогда, когда они противопоставляли «порядок» и «план» революции. Это было как раз тогда, когда коммунистическая партия ставила в центре своего внимания не плановую работу над народным хозяйством, а штурм капитализма и борьбу за захват власти в стране. Тот же Базаров, который в 1928 г. развивает по существу антиплановую теорию, становится в позу горячего защитника плановости летом 1917 г. Он выдвигал тогда этот вопрос в связи с вопросами о государственном аппарате. Именно тогда, когда государственный аппарат был в руках буржуазии и ее агентов, когда пролетариат боролся за овладение этим аппаратом, ставя себе целью его разрушение для построения государственного аппарата пролетарской диктатуры и для введения планового хозяйства, именно в это время Базаров выступал в защиту тоже «бесклассовой», «аполитичной» плановости. С точки зрения «плановости» Базаров возражал против замены буржуазно-государственного аппарата пролетарским и высказался за реформирование его. На этот счет у Ленина имеются замечательные строки. Отметив, что к вопросу о государственном аппарате относится также вопрос о централизме, «поднятый особенно энергично и особенно неудачно» Базаровым в № 138 «Новой жизни» от 27/IX (ст. «Большевики и проблема власти»), Ленин писал:

«... Базаров рассуждает так: «Советы не являются аппаратом, приспособленным ко всем областям государственной жизни», ибо семимесячный опыт-де доказал десятки и сотни документальных данных, имеющихся в экономическом отделе Петербургского исполнительного комитета», подтвердил, что советы, хотя во многих местах фактически и пользовались «всей полнотой власти, но не могли достигнуть в области борьбы с разрухой сколько-нибудь удовлетворительных результатов». Необходим аппарат, «расчлененный по отраслям производства, строго централизованный в пределах каждой отрасли и подчиненный общегосударственному центру». «Дело идет» — извольте видеть — «не о замене старого аппарата, а лишь о реформировании его... сколько бы большевики не издевались над людьми с планом»...

Все эти рассуждения Базарова поразительно беспомощны, как осколок рассуждений буржуазии, отражение ее классовой точки зрения».

Тов. Ленину приходилось тогда терпеливо разъяснять, что никакой полнотой власти советы в России не располагали и не располагают и что грубейшая ошибка Базарова заключается в том, что он трактует государство и плановость как понятия внеклассовые. Такой был Базаров в 1917 году; тогда он выступал «за план», а при советской власти он, будучи призван на помощь плановому хозяйству, оказался в ряду тех, которые защищают стихию от плана, против социалистической организации производительных сил.

Когда Базаров в 1917 г. выступал якобы борцом за план против большевиков, Ленин отвечал ему:

«Мы смеемся, смеялись и будем смеяться не над «централизмом» и не над «планами», а над реформизмом. Ибо реформизм ваш смешон сугубо после опыта коалиции. А говорить: «Не замена аппарата, а реформирование», значит быть реформистом, значит становиться не революционером, а реформистским демократом. Реформизм есть не что иное, как уступки правящего класса, а не свержение его, уступки его при сохранении власти за ними».

В той же статье 1917 г. тов. Ленин констатирует, что «добрый Базаров объективно играет роль подголоска капиталистов».

Прошло 13 лет, и революция за эти годы многих многому научила. Но господа Базаровы и Громаны не только ничему не научились, но пошли вспять, все больше и больше скатываясь в сторону буржуазии. Многие их этой компании сделались не только объективно подголосками, но и вполне сознательными агентами ее, тесно смыкая себя, свою науку и свою научную совесть с теми, которые работают на благо мирового капитала не только за страх, но и за деньги.

Вместо заключения

Пользуясь крайним недостатком квалифицированных сил для строительства социализма, пользуясь условиями первого периода революции, когда пролетариат вынужден обращаться к буржуазным специалистам за помощью, меньшевики, эсеры, кадеты и просто черносотенцы с дипломами и без таковых, ученые, полуученые и лжеученые пытались эксплуатировать советскую власть в интересах буржуазии. Они пошли на всякие меры от прямых форм разрушения производительных сил и материальных ценностей вплоть до создания особых теорий, которые могли бы сыграть роль своего рода квази-научного опиума для советской общественности.

Одним из условий, которое облегчало работу вредителей на всех фронтах, является та атмосфера «нейтральности», которая существовала среди специалистов. Давно сказано и доказано, что золотой середины в политических вопросах и в классовой борьбе не бывает и быть не может. Нейтрализм среди специалистов оказался на руку вредительской деятельности и вредительским организациям. Та же корпоративность, та же семейственность, то же кумовство, тот же принцип — «рука руку моет», которые наблюдаются во многих случаях среди спе-

циалистов-техников, нашли себе место и среди экономистов-плановиков. Огромные возможности, которые были в их руках, как у ответственных работников советского аппарата, они без зазрения совести использовали для формирования своих кадров, для разработки своих вредительских теорий, для контрреволюционных действий. Вредители пытались широко развернуть свою работу, но никакой опоры ни среди рабочих, ни среди крестьян они не нашли и найти не могут. Они остаются ничтожной изолированной кучкой буржуазных интеллигентов, охвостом капиталистического строя, которые тщетно пытались воскресить то, что обречено историей на окончательную гибель.

Внутрипартийные разногласия использовались вредителями всюду. Они старались пролезть во всякую политическую пробоину, кем бы она ни создавалась — правыми или «левыми». В их программу практических действий входила активная поддержка правых.

Вредители слишком ничтожны и беспомощны, чтобы повернуть колесо истории, приостановить победоносное шествие пролетариата к социализму. Но они были достаточно сильны для того, чтобы на отдельных участках советского строительства наносить нам существенный вред.

Следует с сожалением констатировать, что планирование является у нас одним из самых запущенных участков. До сих пор оно еще не вполне вышло из стадии кустарщины и не сделалось наукой, между тем нам необходимо дозарезу научное планирование, вооруженное марксистско-ленинским пониманием общественных явлений и использующее все новейшие достижения науки и техники.

Содержание планирования, его методы и формы — это дело партийное в первую очередь. Оно будет поставлено на должную высоту только на основе глубоко партийного понимания и изучения вопросов планирования.

Партия дала решительный отпор буржуазно-вредительским элементам в области планирования и их правооппортунистическим отголоскам внутри партии.

Партия производит и тот перелом во всей плановой работе, который поставит всю эту работу на уровень, соответствующий задачам нашей великой эпохи.

Из того вреда, который принесли советской власти вредители, коммунисты должны в первую очередь сделать все необходимые выводы для своей собственной работы. Точно так же, как коммунист не в праве относиться с презрением к буржуазным специалистам, считая, что он все знает и все может сделать, нельзя относиться и с излишним доверием к работе представителей чужого класса, которые находятся в наших учреждениях. Строить социализм чужими руками — это дело чрезвычайно сложное, чреватое многими опасностями, требующее исключительной гибкости и умения. Используя буржуазных специалистов, коммунисты должны вместе с тем у них учиться, овладевать их знаниями и руководить ими. Контроль не формальный, но по суще-

ству, контроль, вникающий во все стороны вопроса, является абсолютным обязательным для практической работы коммунистов.

«Здоровое коммунистическое недоверие» по отношению к буржуазным специалистам, умение проверять их работу, тщательный контроль над ними являются абсолютно обязательными условиями для руководства коммунистов хозяйственным и культурным строительством. Широкое развертывание самокритики, вовлечение самих рабочих масс в дело строительства социализма, направление их внимания на те звенья работы, с которыми они непосредственно сталкиваются, — это первостепенная задача в деле преодоления вредительства, в деле создания таких условий, которые делают его невозможным. Такая новая форма мобилизации масс на социалистическое строительство, как встречный промфинплан, сразу ставит под общественный массовый контроль работу всех хозяйственников, всех плановиков.

Расправляясь самым беспощадным образом с вредителями, советская власть вместе с тем создает наиболее благоприятные условия для работы честных специалистов, для тех, которые действительно хотят строить социализм и которые всерьез становятся по нашу сторону баррикады и готовы вместе с пролетариатом, засучив рукава, двигать вперед историю человечества. Этим специалистам, ряды которых все больше и больше растут, тем, которые в своей повседневной работе перемальваются, перевариваются в пролетарском соку и готовы слиться в единую семью с рабочим классом, — этим специалистам, ликвидирующим позорную нейтральность, становящимся в ряды красных бойцов за коммунистическое общество, советская власть и коммунистическая партия будут оказывать всемерное содействие в их трудной и благодарной работе.

На ряду с этим мы должны форсированным темпом готовить кадры красных специалистов. Задача эта может считаться осознанной в смысле подготовки кадров техников и инженеров из рабочих и коммунистов. Исключительно важной однако является и подготовка экономистов, подготовка плановых работников, владеющих марксистско-ленинским методом, умеющих ставить и разрешать вопросы так, как того требует социалистическое строительство, как того требует партия. Планирование является делом совершенно новым. Здесь все от начала до конца должно быть создано нашими собственными силами. Пролетариату не у кого учиться в вопросах планирования.

По мере роста планового хозяйства, по мере все большего и большего приближения нашего хозяйства к социализму, потребность в экономистах и плановиках-ленинцах становится особенно настоятельной. Новые молодые кадры должны будут выполнить огромную работу по оперативному планированию и особенно важную работу по поднятию планирования на высшую ступень, по выведению его из стадии кустарничества, по созданию действительно марксистско-ленинской науки планирования.